

И. П. ЕРЕМИН

„Слово о полку Игореве“ в советском литературоведении¹

В истории изучения „Слова о полку Игореве“ истекшие тридцать лет — целая эпоха, во многом обогатившая наше представление об этом величайшем памятнике древнерусской литературы. Не имея возможности охарактеризовать все работы, написанные о „Слове“ советскими литературоведами за этот период (их свыше 150), ограничусь наиболее значительными, распределяя материал по тем научным проблемам, которые выдвигались в ходе изучения „Слова“.

Сюда прежде всего относится проблема его текста — проблема старая, но в то же время и всегда новая, ибо материал для ее решения все тот же: первое издание 1800 г. и впервые опубликованная акад. П. Пекарским в 1864 г. так называемая Екатерининская копия. В начале революции некоторые надежды возлагались на архив А. Ф. Малиновского, поступивший в Московский Государственный исторический музей: казалось, что в нем найдется некий дополнительный материал для реконструкции „Слова“. Но надежды эти не оправдались — это с полной очевидностью показала статья акад. М. Н. Сперанского, напечатанная в 1920 г. и специально посвященная „бумагам“ Малиновского. Давая некоторый небезинтересный материал для истории первого издания „Слова“, бумаги Малиновского ничего или почти ничего не дают нового исследователю его текста.

За истекшие тридцать лет было предложено немало новых конъектурных поправок к тексту первого издания „Слова“, более или менее остроумных, более или менее убедительных. Не буду специально останавливаться на их характеристике, так как в методологическом отношении они ничего принципиально нового в себе не заключают: все они идут в колею, уже хорошо проторенную текстологами дореволюционной эпохи. Несколько больший интерес представляют перестановки в тексте первого издания „Слова“, предложенные за этот период. Мысль о том, что в дошедшем до нас тексте „Слова“ некоторые его части нуждаются в перемещении, высказывалась и раньше, но только теперь она получила

¹ Доклад, прочитанный 15 октября 1947 г. на юбилейной сессии Института литературы Академии Наук СССР.

научное обоснование. Еще в 1916 г. акад. А. И. Соболевский, вслед за ним, в 1918 г. — П. Л. Маштаков, в 1926 г. — акад. В. Н. Перетц, в 1928 г. — П. В. Булычев показали возможность палеографического обоснования ряда перестановок в тексте „Слова“. Одна из этих перестановок, именно в начале „Слова“, где говорится об Игоре и о затмении, может теперь рассматриваться, с моей точки зрения, как прочно установленный научный факт: писец мусин-пушкинского сборника или его предшественник несомненно держал в руках рукопись, у которой были перебиты листы, и отрывок „Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце...“ необходимо, конечно, несколько передвинуть, чтобы восстановить первоначальный порядок, — читать после слов: „...ищучи себе чти, а князю славу“.

Из числа изданий „Слова“, вышедших за истекшие тридцать лет (их было более десятка), наибольший интерес представляет издание акад. В. Н. Перетца в составе его известного исследования о „Слове“, напечатанного в 1926 г. АН УССР. Издание это является своеобразной реализацией тех положений, которые были высказаны и автором этого исследования и его предшественниками в связи с палеографическим обоснованием перестановок в тексте „Слова“, — о формате протографа мусин-пушкинского списка, о его правописании, о генезисе тех или иных его ошибок. В отличие от большинства своих предшественников, В. Н. Перетц печатает не мусин-пушкинский список, а текст его предполагаемого протографа XV в. Реконструкция этого протографа сделана на основе всех имеющихся в нашем распоряжении данных: издания 1800 г., Екатерининской копии, бумаг Малиновского, выписок Карамзина; реконструируя текст, В. Н. Перетц учел все сделанные исследователями „Слова“ конъектурные поправки, тщательно отбирая из их числа наиболее вероятные и, в ряде случаев, исправляя текст собственными конъектурами („Не ваю ли вои злачеными шелома по крови плаваша?“ и др.). Реконструкция В. Н. Перетца ставит своей задачей воспроизвести с максимальной приближенностью не только текст этого протографа, но и его правописание, его распределение по листам рукописи. Издание В. Н. Перетца замечательно и само по себе (это — безупречный текстологический эксперимент) и как исчерпывающий свод всего того, что было сделано в этом направлении русской филологической наукой.

Весьма энергичной за последние тридцать лет была и работа по комментированию „Слова“. В особенности много ценного и интересного в этом направлении дал покойный член-корреспондент АН СССР Д. В. Айналов. С 1918 г. по 1936 г. он опубликовал серию небольших заметок о „Слове“, каждая из которых представляет собою развернутый комментарий к тому или иному чтению „Слова“: „чрълеными щиты“, „злат стол“, „жемчужна душа“, „злато ожерелье“, „стружие“ и т. п. Крупнейший знаток древнерусского искусства, Д. В. Айналов очень часто, комментируя то или иное чтение в „Слове“, привлекал материал и из этой столь хорошо известной ему области; так, например, он удачно сближал „чръленые щиты“ „Слова“ с соответствующими щитами в изо-

бражении древнерусских миниатюр; „злато ожерелье“ — с золотой гривной, которую в древности имели обычай носить на шее князья. Мимо заметок Д. В. Айналова не пройдет ни один комментатор „Слова“, как не пройдет он и мимо заметок другого исследователя — В. Ф. Ржиги, тоже немало потрудившегося за последние тридцать лет над истолкованием ряда трудных для понимания мест „Слова о полку Игореве“. Для характеристики пережитого этапа в истории изучения „Слова“ небезинтересно отметить тот факт, что некоторые чтения в „Слове“, отдельные его „темные“ места явились предметом обширных исследований объемом иногда в несколько печатных листов. Такова, например, напечатанная в 1935 г. статья Н. Н. Зарубина, посвященная толкованию словосочетания: „Заря свѣтъ запада“; статья акад. Н. С. Державина „«Троян» в «Слове о полку Игореве»“, полностью опубликованная в 1941 г. в его „Сборнике статей и исследований в области славянской филологии“ (здесь в особенности интересен комментарий автора к чтению: „рища в тропу Трояню чрез поля на горы“; в этой „тропе“ Трояня автор усматривает „отложение названия совершенно реального географического пункта“, а именно триумфального памятника „Тропаеум Траяни“, построенного римским императором Траяном в 108—109 гг. на полуострове в области нынешней Добруджи, в самом центре бывших владений киевского князя Святослава Игоревича).

Одной из ближайших задач нашей науки является задача собрать воедино весь накопленный комментаторами „Слова“ богатейший материал по толкованию всех трудных для понимания мест „Слова“; рассеянный по разным специальным изданиям, материал этот нуждается в критическом отборе и обобщающей сводке. Такой сводкой до известной степени является издание акад. А. С. Орлова (второе издание — 1946 г.), но сводкой далеко не полной, не исчерпывающей всего накопленного материала, — да А. С. Орлов и не ставил себе такой задачи.

Много ценного было сделано советской филологической наукой в области изучения идейно-политического содержания „Слова о полку Игореве“. Здесь большую помощь исследователям оказали известные высказывания Маркса и Энгельса о „Слове“ (имею в виду письмо Маркса к Энгельсу от 5 марта 1856 г. и письмо Энгельса к Марксу от 7 марта 1856 г.). Высказывания эти не раз привлекались к истолкованию идейно-политического замысла автора „Слова“, и методологическая ценность их не раз подчеркивалась исследователями. Переписка Маркса и Энгельса о „Слове“ и сама по себе была предметом изучения; обстоятельный историко-литературный комментарий к ней находим в статье акад. А. С. Орлова, специально посвященной этой переписке и впервые напечатанной в 1933 г., а также в статье члена-корреспондента АН УССР П. Н. Попова, напечатанной на украинском языке в 1938 г. (№№ 2—3 „Радянського літературознавства“). Ценный вклад в дело изучения идейно-политического содержания „Слова“ внесли историки — акад. Б. Д. Греков и проф. М. Д. Прицелков: анализ „Слова“ на фоне конкретной исторической

обстановки конца XII в. позволил этим исследователям выяснить идейно-политический замысел его автора в деталях, до сих пор никем не отмеченных. Призыв к единству Русской земли не раз раздавался в древнерусской литературе, но в разные исторические эпохи он приобретал разное политическое звучание — работы Б. Д. Грекова и М. Д. Приселкова показывают это с большой отчетливостью; оба исследователя — и в этом несомненная их заслуга — в свою интерпретацию идейно-политического содержания „Слова“ внесли ту историческую конкретность, которой недоставало их предшественникам.

Уже давно, с 60-х годов прошлого века, началась работа по изучению „Слова“ в его связях с современной ему оригинальной и переводной прозой — исторической повествовательной прозой в первую очередь. Начатая трудами акад. Н. С. Тихонравова, акад. В. Ф. Миллера, Е. В. Барсова, работа эта в сущности никогда не прекращалась. В последнее время в особенности много сделал в этом направлении акад. В. Н. Перетц. И в своей уже упоминавшейся книге и в ряде статей он собрал громадный словарно-стилистический материал, во много раз превосходящий по объему собранный его предшественниками. В свете этого материала стала совершенно очевидной литературная природа „Слова“. Выяснилось, что „Слово“ в современной ему литературе стояло не одиноко, что в словарно-стилистическом отношении оно теснейшим образом связано с этой литературой, что оно органически впитало в себя всю богатейшую литературную культуру, накопленную к концу XII в. Киевской Русью. Отрицать теперь литературную природу „Слова о полку Игореве“ — значило бы отрицать факт, установление которого является одним из наиболее прочных завоеваний нашей науки. В самое последнее время замечается кое у кого тенденция выводить „Слово“, все целиком, только из фольклора. Тенденция эта должна быть безусловно осуждена, ибо она не поддерживается фактами, противоречит всему тому, что нам известно о „Слове“, продиктована ложной мыслью, что только „фольклорное“ — народно.

Утверждая вслед за В. Н. Перетцем, А. С. Орловым, Н. К. Гудзием и другими литературную природу „Слова о полку Игореве“, я отнюдь не хочу сказать, что в „Слове“ нет фольклорных реминисценций: они налицо в „Слове“, и их больше в нем, чем в каком-либо другом из дошедших до нас памятников литературы Киевской Руси. Первоочередная задача нашей науки — обнаружить эти реминисценции. Что в „Слове“ следует отнести за счет фольклора — на этот вопрос мы, к сожалению, не найдем точного ответа в нашей науке, несмотря на то, что вопрос о фольклорных элементах „Слова“ был поставлен еще в прошлом веке, что вопроса этого не раз касались и многие советские ученые (Ю. М. Соколов, А. И. Никифоров и др.). Такое положение отчасти объясняется тем, что все писавшие на эту тему обычно ограничивались подбором буквальных словесно-стилистических фольклорных параллелей к „Слову“, забывая о том, что фольклорные элементы „Слова“ могут и не исчерпываться этими параллелями, могут корениться глубже — в фольклорной

трактовке того или иного его эпизода, в фольклорном преломлении фактов действительности.

Не раз обсуждался за последние тридцать лет и вопрос, впервые поставленный еще А. Востоковым в 1812 г., — прозой или стихами написано „Слово о полку Игоре“е“. В процессе обсуждения этого вопроса с полной очевидностью выяснилось, что в такой форме вопрос должен быть снят, ибо дилеммы никакой нет: ни одна из попыток доказать стихотворную природу „Слова“, предпринятых в прошлом веке и в начале нашего, — как известно, успехом не увенчалась; временная инерция ритма в „Слове“ не подлежит сомнению, но наличие этой инерции еще отнюдь не доказывает его стихотворной природы. Новейший исследователь вопроса М. П. Штокмар (имею в виду его превосходную работу о ритмике „Слова“, опубликованную в 1941 г. в сборнике статей „Старинная русская повесть“) уверенно говорит о прозаической природе звуковой организации „Слова“, и мнение это представляется мне единственно правильным решением вопроса. Нельзя отстаивать стихотворную природу ритмики „Слова“, не имея в запасе ни одного научно обоснованного довода в пользу этого утверждения.

Начиная примерно с 1925 г., внимание исследователей „Слова“ стали привлекать и некоторые другие элементы его художественной структуры: изредка встречающаяся в „Слове“ морфологическая рифма, аллитерация, поэтический синтаксис и пр. Изучение этих элементов, однако, носило случайный и чисто описательный характер: художественная структура „Слова“ в целом, в единстве всех своих составных частей, предметом специального исследования ни разу не становилась; отдельные элементы художественной структуры „Слова“ брались в отрыве один от другого, без учета их внутренне-закономерного соотношения. Очередная задача нашей науки — восполнить этот пробел. Тогда несомненно получит свое разрешение и дискуссионный вопрос о жанровой природе „Слова“. В нашей науке по этому последнему вопросу, как известно, имеются две точки зрения, взаимно исключающие одна другую: одни утверждают, что „Слово“ — героическая поэма; другие держатся того мнения, что „Слово“ — историческая повесть. Изучение художественной структуры „Слова“ в целом, в единстве всех ее элементов, привело меня к выводу, что ни та ни другая точки зрения действительности не соответствуют. „Слово“ — не повесть и не героическая поэма. „Слово“ — речь, памятник так называемого торжественного политического красноречия Киевской Руси XII века.

В 1929 г. акад. А. И. Соболевский высказал мнение, что „Слово“ в том его виде, в каком мы его теперь знаем, было написано в два приема: сперва была написана первая его часть — до плача Ярославны включительно, а затем, три года спустя, — вторая, заключительная. Эту точку зрения — ее, кстати сказать, еще в самом начале нашего века пытался обосновать В. В. Каллаш — в последнее время энергично отстаивал и Н. К. Гудзий. Лично я не вижу достаточных оснований к тому,

чтобы дробить „Слово“ на части: „Слово“, как показывает изучение его композиционной структуры, обнаруживает замечательное единство всех своих составных частей и несомненно — так мне по крайней мере представляется — было написано в один прием — весной 1187 г.

Привлекал к себе внимание и вопрос об авторе „Слова“. И лет десять назад и совсем недавно были предприняты в этом направлении даже специальные поиски; есть мнение (И. Новикова), что автором „Слова“ был сын тысяцкого — один из дружинников Игоря, вместе с ним попавший в плен к половцам; есть мнение (А. Югова), что автором „Слова“ был упоминаемый Галицко-Воынской летописью певец Митус. По поводу этих предположений сказать могу только одно: жаль времени, потраченного на их обоснование. Вопрос о том, кто именно написал „Слово о полку Игореве“ — вопрос праздный, ибо для решения его у нас нет никаких данных, пока что, во всяком случае.

Из работ о „Слове“, вышедших в самое последнее время, особо должна быть отмечена книга акад. С. П. Обнорского — „Очерки по истории русского литературного языка старшего периода“ (М. — Л., 1946). Последняя глава этой книги — первый в сущности опыт систематического исследования языка „Слова о полку“ в нашей науке — его фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. Автор рассматривает „Слово“ как памятник древнерусского языка — не старо-славянского (автор строго различает эти два понятия); подчеркивает в строе его языка архаические черты, сближающие его с древнейшими памятниками русского языка, такими, например, как „Русская Правда“; доказывает, что дошедший до нас текст „Слова“, за немногими исключениями, относительно точно воспроизводит первоначальное его чтение; для нас, историков древнерусской литературы, это последнее утверждение С. П. Обнорского, раскрывающее некоторые новые перспективы в деле реставрации текста „Слова“ по мусин-пушкинскому списку, в особенности дорого — дорого именно потому, что это утверждение специалиста-лингвиста.

Необходимо, наконец, отметить, что советские ученые приняли самое активное участие в обороне „Слова о полку Игореве“ от покушений на него со стороны группы иностранных „скептиков“ во главе с французским ученым проф. А. Мазоном. Этот последний, как известно, с 1938 г. на страницах редактируемого им журнала „Revue des études slaves“ начал печатание обширного исследования, где подверг сомнению подлинность „Слова“ и пытался доказать, что „Слово“ было написано (Н. Н. Бантыш-Каменским — как теперь утверждает автор) в конце XVIII в. в подражание, главным образом, „Задонщине“. В 1940 г. исследование это вышло в Париже отдельной книгой под заглавием „Le Slovo d'Igor“. Первым в защиту „Слова“ выступил действительный член АН УССР Н. К. Гудзий, посвятивший в 1946 г. обстоятельной критике этой „теории“ две статьи: одну на украинском языке (Вісті Академії Наук УРСР, № 2), другую, объемом в несколько печатных листов, в „Ученых Записках“ Московского Государственного университета.

До известной степени против А. Мазона и его последователей направлены также: статья чл.-корр. АН СССР С. Е. Малова о „тюркизмах“ в языке „Слова“, напечатанная в 1946 г. в „Известиях“ Отделения литературы и языка АН СССР; уже упоминавшееся исследование акад. С. П. Обнорского; статья о „Задонщине“ В. П. Адриановой-Перетц, опубликованная в 1947 г. в №№ 7—8 „Радянського літературознавства“. Poleмике с А. Мазоном посвятил главу и акад. А. С. Орлов во втором издании своей известной книги о „Слове“ (М. — Л., 1945).

За последние тридцать лет появилось немало и переводов „Слова“ на современный русский язык, сделанных советскими поэтами.

По тому, как эти поэты решают проблему поэтического перевода „Слова“, все они могут быть подразделены на четыре группы: одни, примыкая к уже давно сложившейся традиции, переводят „Слово“ в стиле того или иного поэта, подчеркнуто модернизируя оригинал; другие, следуя примеру Л. Мея и его эпигонов, считают своим долгом придать „Слову“ недостающий ему „народный“ колорит и соответственно этому переводят его в народно-песенном ладе; третьи не столько переводят, сколько создают свои собственные вольные композиции на текст „Слова“; четвертые — их меньшинство — экспериментируют, ищут путей к такому переводу „Слова“, который наиболее адекватно оригиналу передавал бы не только его текст, но и его своеобразный, в силу своей архаичности нелегкий для нашего современного понимания, поэтический стиль.

Типичным представителем современных переводчиков „Слова“ первой группы является Д. Семеновский. Опубликованный им в 1939 г. перевод „Слова“ возвращает нас к временам Гербеля. Подобно Гербелю, переводчик разделил текст на песни, каждой из которых дал особое заглавие: „Запев“, „Поход“, „Встреча с половцами“, „Роковая сеча“ и т. п.; подобно Гербелю перевел „Слово“ разными русскими классическими размерами, специально подобранными для каждой песни. Новинкой в переводе Д. Семеновского является попытка в одном случае переложить „Слово“ явно под Некрасова. Под этого поэта, сколько мне известно, до Д. Семеновского никто переводить „Слово“ не брался.

Прошли века Трояновы,
 Дни Ярослава минули,
 Олега Святославича
 Полки в боях погнули.
 Олег-то князь мечом ковал
 Крамолу окаянную
 И сеял стрелы по земле
 Рукою неустанною.
 Вражды братоубийственной
 Подняв знамена черные,
 В Тмутаракани в стремена
 Вступал он золоченые...

К переводчикам „Слова“ второй группы прежде всего следует отнести А. И. Никифорова. Перевод А. И. Никифорова, опубликованный

в 1938 г., выдержан в том условном народно-песенном, былинном складе, который в свое время культивировался в нашей поэзии и создал даже прочную традицию в ней. О тенденции переводчика переложить „Слово“ именно в этом складе красноречиво свидетельствуют и его пристрастие к дактилическим окончаниям, и его стремление усилить „народный“ колорит „Слова“ обычным в таких случаях ассортиментом синонимических повторов и ласкательно-уменьшительных слов: путь-дороженька, князя-молодца, дани-подати, стремечко, обидушка, зорюшка, белочка и т. п. В наши дни этот псевдо-народный стиль на пути к вырождению. Перевод „Слова“ А. И. Никифорова — один из показательных тому примеров... Перевод нередко выпадает из стиля. В переводе А. И. Никифорова немало слов и словосочетаний, которые на фоне его условной народно-песенной лексики звучат резкими диссонансами, разрушающими стилистическое единство этого фона:

Не плохо нам было бы, братие,
Начать старинной манерою
Повесть эту трудную...
Испить мне *безумно* хочется
Шеломом воды из Дона...
Жутким клетком орлы зверей
Созывают на кости мертвые...

В особенности антихудожественно звучат эти модернизмы, когда они у переводчика непосредственно сочетаются с его „народными“ словами и словосочетаниями.

Трепещет сама земля,
Мутно текут реченьки...
В синем море у Дона купаючись,
(дева-„обидушка“) усыпила эпохи богатые...

Сюда же должен быть отнесен и перевод „Слова“ С. Басова-Верханицева с той, однако, оговоркой, что перевод этот имитирует „словарь современных народных песен и сказок“ с неизмеримо большим вкусом и художественным тактом.

„Переводчиков“ третьей группы, как было уже указано, „Слово“ в том виде, в каком оно дошло до нас, мало устраивает; переводам они предпочитают вольные композиции на темы „Слова“. Против этих вольных композиций на темы „Слова“ можно было бы и не возражать, если бы они не претендовали на большее; в принципе я ни в какой мере не возражаю против рифмованной „вариации“ на темы „Слова“, допустим, А. Заболоцкого, напечатанной в 1946 г. в журнале „Октябрь“ (№№ 10—11), но решительно возражаю против таких „вольных“ композиций, которые объявляют себя без всяких к тому оснований переводами, — более того, зеркалом будто бы нашего, современного отношения к „Слову о полку Игореве“. Прав я или не прав — пусть скажет об этом отрывок из одного такого перевода „Слова“ на „эмоциональный экран

нашей эпохи“. Имею в виду „перевод“ М. Тарловского. Вот как в его переложении звучит всем известное вступление „Слова“:

Товарищи, старую быль взворошить
 Не стоит ли нам для почина,
 Чтob Игорев' конный марш изложить
 Рейд Святославова сына?
 Мы слогом теперешним речь начнем,
 На происшедшее глянув:
 Певцу не к лицу изжитый прием,
 Ветхий обычай Боянов.
 Уж так он, Боян, в заповке мудрил:
 Как векша, скакал через ветки,
 Волком он серым в ловитве кружил,
 Сизым орлом на разведке.
 Програвит он, вспомнив завязку смут,
 Лебедек соколиным десятком —
 И птице, которую первой сгребут,
 Петь гимн усобищным схваткам.

Характерной особенностью переложений „Слова“, принадлежащих переводчикам последней группы, переводчикам-экспериментаторам, — Г. Шторму, С. Шервинскому, И. Новикову, А. Югову — является прежде всего их относительная близость к тексту оригинала. Именно поэтому они так предельно лаконичны. Следуя примеру В. А. Жуковского, Шторм Шервинский, Новиков, Югов перевели „Слово“ ритмической прозой, а не стихами. Отказавшись от стилизации „Слова“ под тот или иной жанр, под того или иного поэта, они поставили себе трудную и ответственную задачу: воспроизвести с максимальной приближенностью к оригиналу не только его текст, но и его поэтический стиль. Жаль, что переводчики эти иногда, в стремлении точнее передать смысл тех или иных слов оригинала или устранить так называемые „темные“ места, впадают в ненужный ученый педантизм: предпринимают целые изыскания в области технической терминологии и диалектологии, грешат необоснованной гиперкритикой текста. Этот последний упрек относится в первую очередь к А. Югову. Он в значительной степени сам обесценил свой местами совсем неплохой перевод многочисленными конъектурными поправками, малоубедительными, а подчас, с точки зрения специалиста, и просто фантастическими.

Основная заслуга советских поэтов-переводчиков „Слова“ этой группы заключается в том, что они, впервые в истории художественного переосмысления „Слова“ нашей поэзией, поставили проблему точного (точного и в отношении текста, и в отношении стиля) художественного перевода „Слова“ на современный русский язык. Но в то же время было бы, конечно, большим преувеличением сказать, что они эту проблему уже полностью разрешили. В какой-то степени советская поэзия все еще в долгу перед „Словом“.